

КОРОЛЕВЫ, МЕЧТАТЕЛИ И ВОЛЧИЦЫ

ДЕНИС ЛУНЬЯНОВ
Родился в Моснве.
Журналист. Ведущий
поднаста «АВТОРизация»
о современных писателях-
фантастах, внештатный
автор радио «Ннига»

и блога «ЛитРес: Самиздат».
Сценарист, монтажер
и динктор радиопроентов
на студенческой метеопло-
щадне «Пульс», неза-
висимый автор художе-
ственных тенстов.

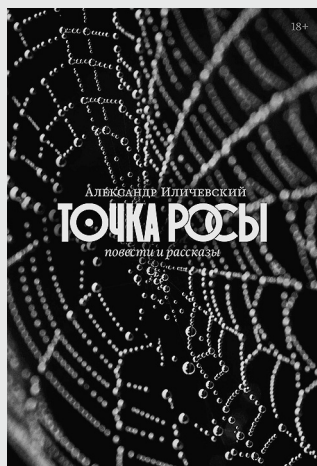
ПРЕДЛАГАЕМ ОБЗОР ТРЕХ НОВИНОК ЭТОГО ГОДА:
СБОРНИКА «КОРОЛЕВА ЛИР» ЛЮДМИЛЫ ПЕТРУШЕВСКОЙ,
КНИГ «ТОЧКА РОСЫ» АЛЕКСАНДРА ИЛИЧЕВСНОГО
И «ДОМ ВОЛЧИЦ» ЭЛОДИ ХАРПЕР. РАЗБИРАЕМСЯ, ЗАЧЕМ
КОРОЛЕВА ЛИР БРЕЕТСЯ НАЛЫСО, КАК ПОМЕСТИТЬ
ВСЕЛЕННУЮ В ПАКЕТИК СУПА И ЧЕМ ПОМПЕИ
НЕ УСТУПАЮТ МЕГАПОЛИСАМ.

Как в новой сказке

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ, «КОРОЛЕВА ЛИР»
(«АЛЬПИНА.ПРОЗА», 2022)

В литературной традиции есть очень скверная привычка: каждые лет пять-десять говорить, как что-то умерло. То киберпанк умирает, то глубоний психологический роман, то стихотворения, то эпос... Сказкам уже много раз пророчили смерть: мол, кто в здравом уме будет это читать и, главное, писать? Эти люди просто не сталнивались с Людмилой Петрушевской. Теперь-то — самое время столкнуться. В «Альпине.Прозе» вышел сборник сказок, притч и рассказов «Норолева Лир», где все главные герои — девочки, девушки, женщины и бабушки.

У Людмилы Петрушевской под рукой целый набор прозаических ниток разного калибра: сказочных и современных. А потому дома в глухом лесу здесь обзаводятся неоновыми табличными, королевства — автобусными останками, принцев показывают по телевизору, колдуны соседствуют с PR-кампаниями, а банновские карточки оказываются волшебными. Сборник действительно похож на лоскутное одеяло, связанное

из смыслов, контекстов и эпох. При этом Людмила Петрушевская ловко нанизывает свои сюжеты на уже знакомые читателю истории: «Новое платье короля», «Нарлина Носа», «Златовласку» и, естественно, шекспировского «Нороля Лира». Да что там, автор делает реверансы даже в сторону библейских сюжетов — например, в истории о том, как мать увозит чудесного младенца за тридевять земель (более того, туда еще и кусочек мифа об Икаре поместился).

К слову, о центральной сказке сборника: у читателя почти наверняка возникает вопрос: при чем тут Шекспир? Конечно, не ради красного словца — Людмила Петрушевская тоже пишет о старческом маразме, только у ее героини — свои прибабахи. Если король Лир уходит гулять в степи, то Королева бреется налысо, оставляя копну зеленых волос, спасается от полиции на мотоцикле и строит домик из мусора. Само собой, каждый даст собственную трактовку этой истории. Вполне вероятно, что рассказ «Норолева Лир» — сюжет о том, как пожилые родственники внезапно становятся бездомными, а там уж живут, как могут. Еще этот текст — абсолютно безумное приключение, где Монти Пайтон наслаивается на Хармса. Прямо готовая, очень модная, в современном прочтении сценическая постановка трагедии Шекспира.

Принято говорить, что от любви до ненависти — один шаг. В случае Людмилы Петрушевской один шаг — от иронии до бытовой мудрости, причем ходит писательница по очень тонкому льду, но тем интереснее. Чего стоят только сытые (а значит, довольные) журналисты или предположение, что все толстые люди на самом деле заколдованы: худеют, а потом чудесным образом снова полнеют. Совсем не детские здесь шуточки про генетику, семейные измены и королей, относящихся к потомству, как к породистым собакам, — зато взрослые снимут еще один слой с петрушевской напуста, для простоты названной обычной сказкой.

Унолы в сторону повседневности так плотно переплетаются с феями-крестными и другим сказочным людом, что читать «Норолеву Лир» просто невозможно без улыбки на лице. Истории между собой, нстати, сюжетно никак не связаны. Написаны, в лучших традициях, легко, просто и динамично. Людмила Петрушевская — вообще из тех, для кого сварить нашу из топора — не проблема. А сделать сказку из одной лишь детали — тем более.

Мир в пакетике супа

АЛЕНСАНДР ИЛИЧЕВСКИЙ, «ТОЧКА РОСЫ»
(«АЛЬПИНА.ПРОЗА», 2022)

Говорить о текстах Александра Иличевского всегда немного неловко, ведь в любом случае будет сказано куда меньше, чем есть на самом деле. И не потому, что слов не хватит — их всегда можно найти, — а потому, что каждый рассказ и каждая повесть — концентрированное повествование. В некотором роде это как сублимированный суп для варки — слишком насыщенный для кастрюльки-текста такого малого объема. Вот и получается, что вкусовые ощущения читатель получает сполна, но не все из них успеваеет уловить и отличить друг от друга: тут одновременно и сладко, и горько, и кисло. Суп в пакетике оказывается слишком насыщенным, а текст — слишком многослойным, чтобы прожевать все разом.

Каждая история из сборника «Точка росы» — это уже автоматическая вещь в себе. Нарративы Александра Иличевского работают по нарастающей, можно сказать, в геометрической прогрессии: от бытового к вечному и непостижимому. И все это — в рамках одного текста, никакой сюжетной связи между ними нет: истории просто поделены на четыре блока. Здесь американские одесситы, «блевотная» пина-колада, совы (с легким налетом Линча) и большие астмой перетенают в ностальгию о детстве и в самые настоящие чудеса: например, в искусство, излечившее практически полного слепца. У героев автора нет ни национальности, ни расы. Точнее, есть-то они есть, только совершенно не важны. Каждый персонаж — это читатель, которого Александр Иличевский отправляет в вояж по пучинам сознания. «Точка росы» в некотором, очень условном роде — игра с полным VR-погружением, но не стрелялка, а бродилка: ведь жизнь, по сути, и есть одно вечное брожение. Так лесные походы перетенают в размышление о сотворении мира и о вечности, о той ледяной, сновывающей пустоте, что была до всякого начала. А ночь, проведенная с незнакомкой, вдруг потерявшей золотой браслет, оказывается такой же светлой и недосыгаемой, как молитва в храме. Каждая история разрастается корнями старого, вековечного дуба — на много километров за рамки текста.

Ничего бы из этого не работало без авторского слога: протяжного, живописного и манящего за собой. Можно бесконечно сопоставлять тексты Александра Иличевского с картинами импрессионистов: широкие мазки, игра света, ощущений. Желтые шашечки танси в ночи здесь становятся хребтами игуан, а жернова «мелют вечность». И даже сцены нурения — мимолетные — завораживают так, будто для них подобрали особую, авторскую, несуществующую палитру. Слог Иличевского хочется сравнить с пастельными тонами Грина или убаюкивающими предложе-

ниями Манса Фрая, хотя никакие сравнения тут неуместны. Александр Иличевский — исключительно Александр Иличевский. Точна. Ни убавить, ни прибавить.

«Точна росы» — чуть ли не стихотворения в прозе, которые намного лучше раскрываются в малой форме. Ведь ходить босым по лезвию ножа — и водить за собой читателя — куда проще на малые дистанции. Чтобы можно было остановиться, оглядеться назад и подумать, что же ждет впереди.

Волчи утехи

ЭЛОДИ ХАРПЕР, «ДОМ ВОЛЧИЦ» («МИФ», ПЕРЕВОД ЛЮБОВИ КАРЦИВАДЗЕ, 2022)

Древние Помпеи ничем не уступают современному мегаполису: яркие праздники с танцорами в масках сатиров, пиры с музыкантами, дешевые забегаловки, дорогие рестораны, термы и магазины ламп. Впрочем, пороков здесь тоже предостаточно — пьянство, драки и, конечно, проституция. Знаменитые помпейские лупанарии (публичные дома) сыскали чуть ли не мировую славу. Элоди Харпер решает выяснить, многое ли изменилось в сфере «жриц любви» за несколько тысяч лет. Спойлер: почти ничего.

«Дом волчиц» — история гречанки Амары, в детстве проданной собственной матерью в рабство, а после перекупленной для работы в лупанарии Помпеев. Весь сюжет и эмоциональный заряд книги закручен вокруг этой героини, хотя и другим «волчицам» находится место — у каждой своя судьба. Извлени хотя бы одну из повествования — роман рассыплется, как неудачная мозаика: как раз из тех, что любили римляне, с рыбами или мифологическими сюжетами. Второстепенные герои — лишь ниточки, за которые автор дергает, чтобы шевелилась Амара. Но ниточки эти повязаны крепко, чуть ли не на морские узлы. Персонажи второго плана объемные, не похожие на универсальные функции «злого зла», «доброты добра», «героя ради слез читателя»: начиная пожилой «волчицей» и «динарной» с берегов Британии, заканчивая сутенером и мужчиной-проститутком. Даже богатые римляне тут — не ходячий набор стереотипов.

Амара забыла, что такое настоящие, неподкупные чувства. Теперь ей знакомо лишь отвращение к мужскому телу, даже когда дело не доходит до постели. Но жизнь, традиционно, вносит свои коррективы: девушке предстоит осознать, действительно ли она полюбила раба из Греции, правильно ли испытывать жалость и легкое влечение к своему сутенеру и стоит ли вольная жизнь надуманной, пластиковой любви богача?

Книга Элоди Харпер — достаточно неторопливый роман о тысяче и одном моральном выборе. Да, он не лишен драм и пьяных клиентов, все в лучших римских традициях: *panem et circenses*, хлеба и зрелищ! Амара попробует себя в роли секретаря сутенера, предлагая сосуды достойным матронам, несколько раз окажется на волосок от смерти и даже будет читать вслух Плинию Старшему, автору «Естественной истории». В остальном же «Дом волчиц» — история сугубо психологическая, написанная в очень умеренном темпе. Слегка затянутая, но тянущая за собой: интересно, чем завершатся мучения героини. По мере чтения в голове начинают вырисовываться два вероятных финала: слишком жестокий

и слишком сладострастный. Автору удается удивить — получается нечто посередине, практически идеальная точка для истории такого рода. Дает ответы, оставляя вопросы.

Роман, как кошелек богатого помпейца, увесист историческими деталями: от масла для волос, излюбленного рыбного соуса и рациона проституток до описания праздников. Элоди Харпер умело торгуется с читателем — вот вам немного деталей, а остальное соберите сами. Так что исторический фон не перебивает героев, а Помпеи, город разврата и роскоши, ощущаются сполна. Иногда текст кажется слегка водянистым — то ли из-за достаточного простого (что, кстати, идет на пользу истории) авторского слога, то ли от мимолетности событий... Впрочем, возможно, дело в другом: от романа на такую тему ждешь серьезного сопротивления. Через него хочется продираться, он представляется большим противотанковым ежом, колющим и доводящим до тошноты. Элоди Харпер словами, конечно, избивает, но легонько, чтобы не задеть читателя. Хотя книга — совершенно точно не чтение для воскресной прогулки в благотворительном парке.

Роман очень удачно переложено: как в свое время «Пигмалион» Бернарда Шоу осовременили, получив «Красотку», так и здесь: с одной стороны, все связанное с современной проституцией онунули в прошлое, с другой — слегка актуализировали жизнь древних Помпеев и происходящие события. Читатель видит перед собой современных ему людей, но с радостью принимает предложенную автором игру. «Дом волчиц» — именно что очень грамотная ролевая игра на фоне исторической реконструкции, а потому роман давит именно на те нервы аудитории, на какие планировалось. Можно поменять костюмы героев и фон — суть сохранится. И если некоторые книги такой прием ломает, то здесь — наоборот, делает авторский посыл яснее. Декорации древнего города не ощущаются картонными, сделанными наспех, со слишком большим количеством блесток — они лишь позволяют взглянуть на все те же проблемы проституции под иным углом. Обзор получается лучше — можно не церемониться. Все равно, что смотреть на город не с улицы, а со смотровой площадки — полноценно, во всех проявлениях.

